

УДК 343.4

Уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения): проблема субъекта и субъективной стороны

Ермакова Татьяна Николаевна, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Захаров Алексей Анатольевич, магистрант, Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Статья посвящена анализу уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления в контексте проблем определения субъекта и субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 155 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматривается двойственная система субъектов — специального и общего, а также возникающие в правоприменении сложности их разграничения. Особое внимание уделяется неопределенности круга специальных субъектов и конкуренции норм при защите различных видов тайн. Анализируется роль мотива как обязательного признака субъективной стороны для общего субъекта и связанная с этим проблема пробелов в уголовно-правовой охране. Автор обосновывает необходимость совершенствования законодательства, включая уточнение признаков субъекта и пересмотр значения мотива, с целью повышения эффективности защиты прав усыновленных детей и их семей.

Ключевые слова: тайна усыновления (удочерения), уголовная ответственность, специальный субъект преступления, разглашение конфиденциальной информации, мотив преступления, субъективная сторона преступления, защита прав ребенка и семьи.

Уголовно-правовая конструкция ст. 155 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] предусматривает бинарную систему субъектов уголовной ответственности: специального субъекта, обязанного сохранять тайну усыновления (удочерения) в силу своего профессионального или служебного положения, и общего субъекта, несущего ответственность лишь при наличии специально оговоренного мотива. Указанная дихотомия, будучи внешне логичной, на практике порождает целый ряд трудноразрешимых проблем, затрагивающих как правильную квалификацию деяния, так и эффективность охраны конституционно защищенных прав семьи и ребенка.

В доктрине уголовного права специальный субъект традиционно определяется как лицо, которое наряду с общими признаками субъекта (достижение возраста уголовной ответственности и вменяемость) обладает дополнительными юридически значимыми характеристиками, прямо предусмотренными соответствующей нормой Особенной части УК РФ [2, с. 146]. В контексте ст. 155 УК РФ к специальным субъектам относятся судьи, вынесшие решение об усыновлении; должностные лица органов ЗАГС, осуществившие государственную регистрацию усыновления; работники органов опеки и попечительства; прокуроры и следователи, участвовавшие в рассмотрении дел об усыновлении; сотрудники медицинских и образовательных организаций, которым стали известны соответствующие сведения [3].

Судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка (ст. 139 Семейного кодекса Российской Федерации [3]). Тем самым семейно-правовая норма очерчивает широкий круг лиц, на которых лежит обязанность сохранять тайну, однако уголовно-правовая ответственность по ст. 155 УК РФ введена лишь для отдельных категорий из их числа.

Принципиальное значение с точки зрения квалификации имеет разграничение между специальным субъектом, для привлечения которого к ответственности установление конкретного мотива не требуется, и общим субъектом, уголовная ответственность которого поставлена в прямую зависимость от наличия корыстных или иных низменных побуждений. Данное разграничение, закреплен-

ное в диспозиции ст. 155 УК РФ, на практике влечет ряд дискуссионных ситуаций [4, с. 261].

Первая проблема касается четкости критериев отнесения лица к числу специальных субъектов. Законодатель не дает исчерпывающего перечня должностных лиц и профессионалов, обязанных хранить тайну усыновления, ограничившись формулой «лицо, обязанное хранить факт усыновления как служебную или профессиональную тайну». Это порождает неопределенность в ситуациях, когда информация стала известна лицу, чья связь с делом об усыновлении носила косвенный характер: например, юридическому консультанту усыновителей, медицинскому персоналу, проводившему обследование ребенка в рамках подготовки к усыновлению, либо сотрудникам архивов и информационных систем.

В научной литературе высказана позиция о том, что применительно к ст. 155 УК РФ к специальным субъектам следует относить не только лиц, официально участвовавших в процедуре усыновления, но и всех профессионалов, которые в силу своих функциональных обязанностей обязаны обеспечивать конфиденциальность персональных данных [5]. Данный подход заслуживает поддержки, поскольку ограничительное толкование понятия специального субъекта способно оставить за пределами уголовно-правовой охраны целый ряд реально возникающих ситуаций.

Представляется, что действующая редакция ст. 155 УК РФ в части определения специального субъекта страдает существенной правовой неопределенностью. Отсутствие в законе или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ закрытого или примерного перечня категорий лиц, обязанных хранить тайну усыновления как служебную либо профессиональную тайну, создает почву для расширительного или ограничительного толкования нормы в зависимости от усмотрения правоприменителя. В целях обеспечения принципа правовой определенности, закрепленного в практике Конституционного Суда РФ, было бы целесообразным дополнить ст. 155 УК РФ примечанием, раскрывающим признаки специального субъекта, либо принять соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Вторая проблема связана с пограничными ситуациями, в которых одно лицо может обладать признаками как специального, так и общего субъекта. Так, если педагог образовательной организации узнал о факте усыновления ребенка из официальных докумен-

тов в ходе исполнения своих служебных обязанностей, однако впоследствии сообщил эту информацию соседям семьи из неприязненных побуждений, имеются основания квалифицировать его деяние по ст. 155 УК РФ как специального субъекта, без установления мотива. Аналогичная ситуация возникает, когда сотрудник органа опеки разглашает сведения из любопытства или ради распространения слухов.

Еще более острой является проблема ответственности медицинских работников. Ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6] устанавливает, что сведения о пациенте составляют врачебную тайну. Когда медицинский работник располагает информацией об усыновлении и разглашает ее, возникает конкуренция норм об охране медицинской тайны и тайны усыновления. Специальный субъект ст. 155 УК РФ в данном случае налицо, однако правоприменитель нередко испытывает затруднения при разграничении ст. 155 и ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

В этой связи следует обратиться к позиции, согласно которой ст. 155 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 137 УК РФ и подлежит приоритетному применению в случаях, когда предметом разглашения выступают именно сведения об усыновлении [7]. Данное правило разграничения в целом поддерживается в доктрине, однако на практике нуждается в более детальной регламентации.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что действующая редакция ст. 155 УК РФ не обеспечивает надлежащего разграничения субъектного состава рассматриваемого преступления и нуждается в совершенствовании. В частности, представляется обоснованным разработать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации данного деяния, в которых было бы закреплено понятие специального субъекта, установлены критерии разграничения ст. 155 и смежных норм, а также урегулированы пограничные ситуации, включая ответственность супруга-усыновителя.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ, традиционно вызывает наибольшие дискуссии в уголовно-правовой науке. В центре полемики находится вопрос о нормативной конструкции мотива как факультативного признака субъективной стороны, который применительно к общему субъекту рассматриваемого состава преступления приобретает обязательный характер.

Диспозиция ст. 155 УК РФ предусматривает, что разглашение тайны усыновления (удочерения) признается преступлением, если оно совершено лицом, иным образом осведомленным об усыновлении (удочерении), «из корыстных или иных низменных побуждений». Корыстные побуждения предполагают стремление виновного к получению имущественной выгоды — материального вознаграждения за предоставление информации или прощения долга. Иные низменные побуждения — категория значительно более широкая: к ним доктрина относит месть, зависть, злобу, хулиганские мотивы, желание унижить или причинить моральные страдания усыновителям либо усыновленному [4, с. 257].

Принципиальная проблема заключается в том, что уголовная ответственность общего субъекта при отсутствии корыстных или иных низменных побуждений исключается даже в тех случаях, когда разглашение объективно причиняет существенный вред охраняемым правам. Подобный подход законодателя основан на сообщении о том, что не всякое распространение информации об усыновлении без согласия усыновителей заслуживает уголовно-правовой реакции: лицо могло действовать из любопытства, из

ложно понятого стремления «помочь» ребенку, из неосторожности.

Вместе с тем указанная законодательная позиция подвергается обоснованной критике. В частности, отмечается, что формула «иные низменные побуждения» является крайне оценочной и не обеспечивает единства правоприменения. Следственные органы и суды вынуждены устанавливать характер мотива через совокупность косвенных доказательств — переписку, свидетельские показания, характеристики личности виновного, — что представляет значительную доказательственную трудность в условиях высокой латентности данного преступления.

Особо острой является ситуация, когда специальный субъект разглашает тайну усыновления при отсутствии корыстных или иных низменных побуждений — например, из неосторожности в разговоре, из ложно понятых профессиональных соображений, из тактического просчета. В данном случае уголовная ответственность по ст. 155 УК РФ для специального субъекта наступает вне зависимости от мотива, поскольку диспозиция нормы не содержит требования о его наличии применительно к данной категории субъектов. Это создает асимметрию, при которой один и тот же поступок — безмотивное разглашение — влечет ответственность для специального субъекта и не влечет ее для общего.

Ряд исследователей ставит вопрос о целесообразности исключения из диспозиции ст. 155 УК РФ требования о мотиве для общего субъекта, предлагая дифференцировать ответственность путем введения квалифицированных составов. Так, базовый состав мог бы предусматривать ответственность любого лица за умышленное разглашение тайны усыновления без согласия усыновителей, тогда как квалифицированный состав — ответственность за деяние, совершенное из корыстных побуждений, группой лиц либо с использованием средств массовой информации или сети Интернет [8].

Закрепление мотива в качестве обязательного признака субъективной стороны применительно к общему субъекту состава ст. 155 УК РФ создает существенный пробел в охране прав усыновленного ребенка и усыновителей. Представляется, что наличие умышленной вины и осознания виновным запретного характера своих действий само по себе достаточно для уголовно-правовой реакции, тем более что разглашение тайны усыновления в любом случае нарушает конституционное право на неприкосновенность частной жизни и семейную тайну. Исключение мотива из числа обязательных признаков для общего субъекта при сохранении дифференциации ответственности посредством квалифицированных составов позволило бы обеспечить надлежащую охрану охраняемых законом ценностей при сохранении соразмерности уголовной репрессии.

Таким образом, действующая редакция ст. 155 УК РФ не обеспечивает надлежащего разграничения субъектного состава рассматриваемого преступления и нуждается в совершенствовании. В частности, представляется обоснованным разработать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации данного деяния, в которых было бы закреплено понятие специального субъекта, установлены критерии разграничения ст. 155 и смежных норм. Одновременно вызывает обоснованные сомнения закрепление мотива в качестве обязательного признака субъективной стороны применительно к общему субъекту, поскольку это формирует пробел в защите прав усыновленного ребенка и усыновителей. Исключение мотива из числа обязательных признаков при сохранении дифференциации ответственности в квалифицированных составах способствовало бы более эффективной охране соответствующих прав и обеспечению соразмерности уголовно-правового воздействия.

Примечания

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд. М., 2020.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. N 1. Ст. 16.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
5. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Разглашение тайны усыновления: проблемы реализации комплексного правового механизма в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. N 6.
6. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. N 48. Ст. 6724.
7. Хурум М. А. Объект составов преступлений, связанных с посягательствами на сохранность тайны частной жизни индивида: содержание, специфика и перспективы оптимизации законодательной регламентации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. N 6.
8. Саматова А. А. Уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения): проблемы теории и практики // Russian Journal of Economics and Law. 2011. N 4.

English version

Criminal liability for disclosure of the secret of adoption: the problem of the subject and the subjective aspect

Ermakova Tat'yana Nikolaevna, associate professor of the department of criminal law sciences, Volga-Vyatka Institute, branch of Kutafin Moscow State Law University, candidate of sciences (law), associate professor

Zakharov Aleksey Anatol'evich, master's student, Volga-Vyatka Institute, branch of Kutafin Moscow State Law University

This article analyzes criminal liability for disclosure of the secret of adoption in the context of problems related to determining the subject and the subjective aspect of the crime provided for in Article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper examines the dual system of subjects, including special and general subjects, as well as the difficulties arising in law enforcement practice in distinguishing between them. Particular attention is paid to the uncertainty surrounding the range of special subjects and the competition of legal norms in the protection of various types of secrets. The role of motive as a mandatory element of the subjective aspect for a general subject is analyzed, along with the related problem of gaps in criminal law protection. The author substantiates the need to improve legislation, including clarification of the characteristics of the subject and reconsideration of the significance of motive, in order to enhance the protection of the rights of adopted children and their families.

Keywords: secret of adoption, criminal liability, special subject of crime, disclosure of confidential information, motive of crime, subjective aspect of crime, protection of the rights of the child and family.